

О человѣческой аурѣ.

Д-ра Р. Штейнера.

Одно изреченіе Гете, въ тонкой формѣ выясняющее отношеніе человѣка къ міру, гласитъ: „мы совершенно напрасно стараемся выразить сущность той или другой вещи. Мы воспринимаемъ лишь ея дѣйствія, и полная исторія этихъ дѣйствій обнимаетъ всю суть вещей. Тщетно стараемся мы описать характеръ того или другого человѣка; но стоитъ лишь соединить всѣ его поступки и всѣ его дѣйствія, какъ передъ нами появится вся картина его подлиннаго характера. Краски суть дѣйствія свѣта, его дѣйствія и страданія... Хотя цвѣтъ и свѣтъ и стоятъ въ совершенно опредѣленномъ отношеніи одинъ къ другому, но мы должны мыслить ихъ какъ принадлежность всей природы; ибо вся природа въ цѣломъ стремится съ помощью того и другого открыться нашему чувству зрѣнія. Точно такъ же природа раскрывается и для другихъ чувствъ... Такъ говоритъ природа и *другимъ чувствамъ, извѣстнымъ, непризнаннымъ, и неизвѣстнымъ*; *) такъ говоритъ она и сама съ собой, и съ нами посредствомъ тысячи явленій. *Для внимательнаго* она не бываетъ ни мертвой, ни нѣмой“.

Чтобы понять все значеніе сказаннаго, нужно представить себѣ до чего иначе чѣмъ намъ, долженъ представляться міръ низшимъ существамъ, которыя состоятъ всѣ изъ одного чувства осязанія, распространеннаго на всю поверхность ихъ тѣла. Для нихъ свѣтъ, цвѣтъ и звукъ не могутъ существовать въ томъ смыслѣ, какъ для существъ, одаренныхъ зрѣніемъ и слухомъ.

*) Очевидно, Гете говоритъ здѣсь о тѣхъ атрофированныхъ чувствахъ, которыя были у человѣка прежде и теперь не признаются наукой, а также о будущихъ органахъ болѣе тонкихъ чувствъ, которыя еще разовьются у человѣка.

Колебанія воздуха, произведенныя ружейнымъ выстрѣломъ, могутъ оказать и на нихъ свое вліяніе, если они встрѣтятся на пути этихъ колебаній. Но для того, чтобы эти воздушныя колебанія обнаружились какъ звукъ выстрѣла, для этого необходимо ухо. И чтобы извѣстныя явленія въ тонкой матеріи, называемой эфиромъ, проявились, какъ свѣтъ и цвѣтъ, для этого необходимъ глазъ. Именно въ этомъ смыслѣ нужно читать положенія философа Лотце: „Безъ воспринимающаго свѣтъ глаза и безъ воспринимающаго звукъ уха весь міръ былъ бы темень и нѣмь.“

Свѣтъ и звукъ были бы въ немъ также невозможны, какъ невозможна зубная боль безъ воспринимающаго боль зубного нерва“.

Поэтъ Робертъ Хамерлингъ говоритъ въ своей философской книгѣ „Atomistik des Willens“ по этому же поводу слѣдующее: „Если тебѣ это, любезный читатель, непонятно и твой разумъ становится передъ такой дѣйствительностью на дыбы, какъ испуганная лошадь, не читай далѣе ни одной строки: оставь всѣ книги, въ которыхъ встрѣчается философія, ибо у тебя не хватаетъ способности воспринимать смѣло и безъ предубѣжденія“.

Съ внутренней необходимостью слѣдуетъ изъ этого положенія выводъ, который такъ прекрасно выразилъ Гете: „Глазъ обязанъ своимъ существованіемъ свѣту. Изъ безразличныхъ животныхъ вспомогательныхъ органовъ свѣтъ вызываетъ къ жизни органъ, уподобляющійся ему; такъ образуется глазъ черезъ свѣтъ для свѣта, чтобы внутренній свѣтъ шелъ внѣшнему свѣту на встрѣчу.“ Смыслъ этого изреченія въ томъ, что внѣшнія явленія, которыя человѣкъ съ помощью глаза воспринимаетъ какъ свѣтъ, существовали бы и безъ глаза, но послѣдній создаетъ изъ нихъ *ощущеніе свѣта*. Въ виду этого, человѣку не слѣдовало бы никогда говорить, что существуетъ лишь то, что онъ можетъ воспринимать; онъ долженъ признать, что изъ всего существующаго, онъ можетъ воспринимать лишь то, для чего у него есть органы, и такимъ образомъ съ каждымъ новымъ органомъ міръ долженъ раскрывать передъ нимъ новыя и новыя стороны своей сути. Превосходно говоритъ по этому поводу естествоиспытатель Тиндаль: „Дѣйствіе свѣта въ животномъ царствѣ есть, повидимому, такое же измѣненіе въ химическомъ составѣ, какое мы наблюдаемъ въ листьяхъ растенія. Постепенно это дѣйствіе сосредоточивается въ отдѣльныхъ пигментныхъ клѣткахъ, которыя оказались чувствительнѣе для свѣта, чѣмъ окружающая ткань. *Возникаетъ глазъ*. Вначалѣ онъ способенъ различать свѣтъ и тѣнь лишь

въ наиболѣе близкихъ предметахъ, такъ какъ прекращеніе свѣта слѣдуетъ почти всегда за прикосновеніемъ непрозрачнаго тѣла; изъ этого можно заключить, что зрѣніе соединилось вначалѣ съ общимъ чувствомъ осязанія. Приспособленіе идетъ далѣе у высшихъ животныхъ. Въ верхней части пигментной клѣтки образуется незначительное утолщеніе; начинается образовываться хрусталикъ и, путемъ безконечнаго множества приспособленій, зрѣніе достигаетъ той остроты, которая подъ конецъ поднимается до совершенства соколиного и орлиного глаза. Тоже самое и съ другими чувствами“. Изъ этого слѣдуетъ, что все то, что міръ раскрываетъ для насъ путемъ нашего воспріятія, зависитъ отъ органовъ чувствъ, которые развились въ насъ. Несомнѣнно, что человѣкъ не воспринимаетъ многого изъ окружающихъ его явленій потому, что у него не хватаетъ органовъ для такого воспріятія. Люди, которые признаютъ за дѣйствительность лишь то, что они въ состояніи воспринять своими органами чувствъ, напоминаютъ тѣхъ низшихъ животныхъ, которыя вздумали бы отрицать краски и звуки потому, что они неспособны воспринимать ихъ.

Но и помимо того, каждому человѣку извѣстенъ *дѣйствительный* міръ, который не подлежитъ воспріятію его физическихъ чувствъ. Это его собственный внутренний міръ; его чувства и стремленія, его страсти и мысли вполне дѣйствительны. Онѣ живутъ въ немъ. Но никакое ухо не можетъ ихъ слышать, и никакой глазъ не можетъ ихъ видѣть. Онѣ для другого „темны и нѣмы“, какъ, по выраженію Лотце, „безъ свѣта воспринимающаго глаза и безъ звука воспринимающаго уха весь міръ былъ бы темень и нѣмъ“. И міръ этотъ перестаетъ быть темнымъ и нѣмымъ, какъ только появляются воспринимающіе глаза и уши. И только то существо можетъ знать, что изъ темнаго нѣмого міра возникаетъ міръ красокъ и звуковъ, которое въ состояніи при помощи глазъ и ушей—пережить явленія этого міра. Рѣшающимъ является лишь непосредственный опытъ.

Имѣетъ ли право тотъ, кто неспособенъ воспринимать несомнѣнно существующій міръ другого человѣка—утверждать, что воспріятіе этого міра вообще невозможно? Кто способенъ понять все выше изложенное, тотъ никогда не сдѣлаетъ этого. Онѣ принужденъ будетъ сказать себѣ: „Возможно ли это, или нѣтъ, объ этомъ могутъ знать лишь тѣ, которые способны на такое воспріятіе, а не тѣ, которые на это неспособны. Ибо лишь одаренные зрѣніемъ, а не безглазые существа могутъ судить о дѣйствительности міра красокъ“.

Къ этой мысли должна присоединиться слѣдующая, которую Хамерлингъ блестяще выражаетъ въ такихъ словахъ: „*Нашъ чувственный міръ есть міръ дѣйствій*. Дѣйствующее въ каждомъ существѣ вызываетъ въ другихъ представленіе подобно тому, какъ прикосновеніе къ струнѣ вызываетъ звукъ. Каждое существо играетъ, какъ на арфѣ, на чужихъ струнахъ и въ тоже время является арфой для чужихъ пальцевъ“.

И совершенно такъ же, какъ внѣшняя природа „безразличные вспомогательные органы“ преобразуетъ, по словамъ Гете, въ глаза, такъ же возможно для человѣка выработать въ себѣ органы, посредствомъ которыхъ чувства, стремленія, инстинкты, страсти, мысли и т. д. преобразятся въ *міръ дѣйствій*; подобно тому, какъ воздушныя колебанія, пройдя черезъ ухо, превращаются въ ощущеніе звука, а колебанія эфира, пройдя черезъ глазъ, въ ощущеніе свѣта. О путяхъ, по которымъ душа должна направляться, чтобы развить такія чувства, мы говорили въ другомъ мѣстѣ; *) здѣсь же мы будемъ говорить лишь о воспріятіяхъ „духовныхъ чувствъ“.

Что только часть человѣка видна физическому глазу, это ясно и безъ объясненій. Это—та часть, которую обозначаютъ какъ физическое тѣло. Тѣло это состоитъ изъ тѣхъ же составныхъ частей, изъ какихъ состоятъ и всѣ остальные тѣла въ природѣ. И въ немъ дѣйствуютъ тѣ же физическія и химическія силы, которыя дѣйствуютъ и въ минералахъ. Изъ этого каждый мыслящій человѣкъ увидитъ, что, исходя изъ такого матеріала и изъ его явленій, нельзя объяснить душевной жизни человѣка. Естествоиспытатель Дюбуа-Реймондъ высказывается объ этомъ такъ: „При поверхностномъ наблюденіи кажется, что знаніе матеріальныхъ процессовъ въ мозгу *можетъ* объяснить духовные процессы человѣка; къ послѣднимъ я причисляю память, ассоціаціи представленій, результаты упражненій, опредѣленные таланты и т. д. Но даже небольшого размысленія достаточно, чтобы убѣдиться насколько это невѣрно; только относительно нѣкоторыхъ условій духовной жизни, совпадающихъ съ внѣшними условіями, можемъ мы нѣчто узнать такимъ путемъ, но никакъ не объ осуществленіи духовной жизни путемъ этихъ условій. Какое отношеніе суще-

*) Въ рядѣ статей, которыя были помѣщены въ „Вѣстникъ Теософіи“ въ 1908 и 1909 годахъ, подъ названіемъ „Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ“. Статьи эти, съ прибавленіемъ новой главы и біографическаго очерка д-ра Штейнера, выйдутъ въ скоромъ времени отдѣльной книгой подъ названіемъ „Путь къ посвященію“ или „Какъ достигнуть познанія высшихъ міровъ“. Прим. Ред.

ствууетъ между движеніями атомовъ въ моемъ мозгу съ одной стороны, а съ другой стороны основными, не поддающимися дальнѣйшему опредѣленію, неоспоримыми фактами, что я чувствую боль, чувствую удовольствіе, вкушаю сладкое, обоняю аромать розы, слышу звуки органа, вижу красное и отсюда убѣждаюсь, что я существую? Навсегда непонятнымъ останется, почему для извѣстнаго числа углеродистыхъ, водородистыхъ, азотныхъ и кислородныхъ атомовъ можетъ имѣть значеніе *какимъ* образомъ они расположены и *какъ* они двигаются, какъ они располагались и какъ двигались въ прошломъ, и какъ они будутъ располагаться въ будущемъ“.—Несомнѣнно, что Дюбуа-Реймондъ неправъ въ своихъ выводахъ, но самый фактъ подмѣченъ вѣрно. *) Нужно ясно понимать, *что* лежитъ въ основѣ такихъ умозаключеній. Естествоиспытатель пользуется для своихъ изслѣдованій физическими чувствами. И хотя онъ увеличиваетъ ихъ силу посредствомъ инструментовъ, связываетъ обнаруженныя физическими чувствами явленія своимъ разумомъ и устанавливаетъ ихъ количественныя соотношенія, тѣмъ не менѣе, *основой* для всѣхъ его выводовъ является внѣшнее чувственное наблюденіе. А между тѣмъ, такое наблюденіе достаточно только въ мірѣ матеріи, да и въ этомъ мірѣ, какъ только дѣло идетъ о неуловимо малыхъ величинахъ, оно дополняется гипотезами; но оно совершенно недостаточно тамъ, гдѣ проявляется душевная или духовная жизнь. Сущность словъ Дюбуа-Реймонда состоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ матеріальный процессъ переходитъ въ духовный, наблюденіе съ помощью внѣшнихъ чувствъ неизбѣжно прекращается. Какимъ образомъ располагаются и двигаются углеродные, кислородные и т. д. атомы, можно легко себѣ представить по аналогіи съ видимыми матеріальными процессами. Но, какъ я чувствую страданіе и какъ я чувствую радость, „этого физическими чувствами уловить нельзя.“ Для этого необходима *высшая способность воспріятія*; такъ же, какъ для глаза появится необходимость въ высшей способности воспріятія, какъ только міръ осязательныхъ ощущеній низшаго животнаго долженъ будетъ пополниться міромъ красокъ.

И для такой высшей способности воспріятія существуетъ переходъ отъ физическихъ процессовъ къ „неоспоримымъ фактамъ, что я чувствую боль, чувствую удовольствіе, обоняю аромать розы“ и т. д.; такой же переходъ, какъ отъ движенія катящагося по билліардной доскѣ костяного шара къ состоянію дру-

*) Ср. съ книгой Штейнера „Welt-und Lebensanschauungen im 19 Jahrhundert“ Berlin, II Band. 5. 78).

гого шара, переведеннаго благодаря столкновению съ первымъ изъ покоя въ движеніе. Относительно этой высшей способности воспріятія физическое тѣло человѣка является лишь средней частью болѣе обширнаго тѣла, въ которое оно окутано какъ въ облако.

И такъ же, какъ эфирныя колебанія, высылаемыя физическимъ тѣломъ, воспринимаются физическимъ глазомъ какъ его краски, также воспринимаетъ и духовный глазъ чувства, склонности, страсти и представленія, которыя столь же „неоспоримые факты“, какъ и движеніе углерода, водорода и т. п. въ мозгу.

Путемъ особаго процесса превращенія, который будетъ выясненъ ниже, внутренней міръ человѣка является для „духовнаго зрѣнія“ такимъ же міромъ красочныхъ впечатлѣній, какимъ физическіе процессы тѣла являются для физическаго глаза. Видимые для „духовнаго зрѣнія“ различные цвѣта, которые излучаются вокругъ физическаго человѣка и окружаютъ его подобно облаку (приблизительно яйцевидной формы), называются *человѣческой аурой*. Послѣдняя принадлежитъ къ человѣческой сущности такъ же, какъ и физическое тѣло. У различныхъ людей величина этой ауры различна, но все же—въ среднемъ—можно съ достовѣрностью сказать, что *весь* человѣкъ вдвое длиннѣе и вчетверо шире, чѣмъ физическій.

Въ этой аурѣ переливаются самые разнообразныя цвѣтовые оттѣнки, и это переливаніе представляетъ собою вѣрную картину внутренней человѣческой жизни. Отдѣльныя цвѣтовые оттѣнки также измѣнчивы, какъ эта внутренняя жизнь. Но постоянныя свойства человѣка, какъ: таланты, привычки, особенности характера, выражаются въ болѣе или менѣе неподвижныхъ основныхъ тонахъ.

Сильно различается аура людей различныхъ темпераментовъ и различныхъ склонностей; а также стоящихъ на различныхъ ступеняхъ духовнаго развитія. Совершенно иная аура у человѣка, придающагося животнымъ страстямъ, и у человѣка сильно живущаго умомъ. Существенно отличается аура религиозно настроеннаго человѣка отъ ауры, живущаго мелкими интересами повседневной жизни. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ мѣняющіяся настроенія, всѣ склонности, всѣ радости и страданія ясно отражаются въ аурѣ. Чтобы понять все значеніе цвѣтовыхъ оттѣнковъ, нужно сравнить ауры, принадлежащія различнымъ человѣческимъ типамъ. Возьмемъ прежде всего людей, отличающихся сильно выраженными аффектами. Ихъ можно раздѣлить на два различные вида: на такихъ, у которыхъ эти аффекты вызываются

преимущественно животными инстинктами, и на такихъ, у которыхъ они принимаютъ утонченную форму, у которыхъ мысль сильно вліяетъ на аффекты. У первой категоріи, въ опредѣленныхъ мѣстахъ ауры проносятся коричневатые и коричнево-красные цвѣтовые потоки. У второй категоріи, отличающейся болѣе утонченными аффектами, выступаютъ на тѣхъ же мѣстахъ оттѣнки болѣе свѣтлаго, краснаго и зеленаго цвѣта. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что съ ростомъ интеллекта зеленые тона появляются все чаще. Очень умные люди, но ищущіе удовлетворенія своимъ животнымъ инстинктамъ, имѣютъ много зеленыхъ тоновъ въ своей аурѣ, но на этомъ зеленомъ замѣчаются болѣе или менѣе сильные налеты коричневыхъ и коричнево-красноватыхъ оттѣнковъ. У неинтеллигентныхъ людей большая часть ауры имѣетъ видъ коричнево-красныхъ и даже кроваво-темно-красныхъ потоковъ.

Существенно отличается аура спокойныхъ расчетливыхъ, наклонныхъ къ размышленію людей. Въ ихъ аурѣ коричневатые и красные тона отступаютъ, а различные оттѣнки зеленаго выступаютъ впередъ.

У людей съ привычкой мыслить, аура представляетъ собой пріятный зеленый основной тонъ; такой же видъ имѣетъ она у людей, про которыхъ можно сказать, что они сумѣютъ найтись въ каждомъ жизненномъ положеніи.

Голубые оттѣнки выступаютъ у преданныхъ натуръ. Здѣсь я долженъ замѣтить, что наблюденія на этомъ полѣ только еще начинаются, и въ нихъ могутъ вкрасться неточности. Но вѣдь то же самое существуетъ и при изслѣдованіяхъ на физическомъ полѣ, какъ это хорошо знаютъ ученые.

Предлагаю читателямъ сравнить мои наблюденія съ изложенными въ книгѣ Ледбитера: „*Man visible and invisible*“. Чѣмъ болѣе человѣкъ жертвуетъ собой и становится сверхличнымъ, тѣмъ болѣе появляется въ его аурѣ голубыхъ оттѣнковъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ двѣ категоріи людей. Есть натуры съ слабой способностью мышленія, пассивныя души, которымъ не сотворить ничего новаго, которыя даютъ міру только свою „добрую душу“. Ихъ аура свѣтится прекраснымъ голубымъ цвѣтомъ. Такая же аура и у набожныхъ, религіозныхъ натуръ, и у сострадательныхъ душъ, отличающихся дѣлами милосердія. Если у такихъ людей кромѣ того и развитой интеллектъ, въ ихъ аурѣ перемежаются зеленые и голубые потоки, или же голубой цвѣтъ принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ. Тѣмъ собственно и отличаются активныя души отъ пассивныхъ, что въ ихъ аурѣ голубой цвѣтъ прони-

кается изнутри идущими свѣтлыми цвѣтовыми оттѣнками. Изобрѣтательныя природы, у которыхъ много плодотворныхъ мыслей, отличаются излученіемъ какъ бы изъ одной опредѣленной точки различныхъ свѣтлыхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Вообще, все указывающее на духовную активность, выражается болѣе всего лучами, которые распространяются изнутри, тогда какъ все, имѣющее животное происхожденіе, принимаетъ форму неправильныхъ облаковъ, носящихся внутри ауры.

Смотря по тому, чему служатъ представленія, исходящія изъ активной души: собственному эгоизму и своимъ животнымъ инстинктамъ, или же идеальнымъ сверхличнымъ интересамъ, сообразно этому окрашиваются и различныя очертанія въ его аурѣ. Изобрѣтатель, который всѣ свои желанія направляетъ на удовлетвореніе своихъ страстей, имѣетъ темные красно-синіе оттѣнки, тогда какъ безкорыстный изобрѣтатель отличается свѣтлыми красно-голубыми оттѣнками. Жизнь въ духѣ, соединенная съ благороднымъ самоотверженіемъ, вызываетъ розовую или свѣтло-фіолетовую окраску.

Но не только основной строй души и преходящія впечатлѣнія, настроенія, и другія внутреннія переживанія имѣютъ свои цвѣтовые волны въ аурѣ. Внезапный взрывъ сильнаго гнѣва вызываетъ красныя волны; оскорбленное чувство внезапно потрясенной чести проявляется въ темно-зеленыхъ облакахъ.

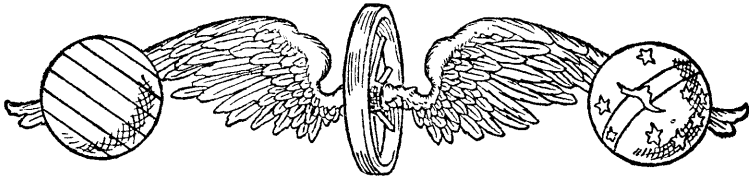
Но цвѣтовые явленія выражаются не только въ неопредѣленныхъ облачныхъ образованіяхъ, а и въ правильно очерченныхъ образахъ. Напр., припадокъ страха выражается въ аурѣ въ видѣ волнистыхъ полосъ голубоватаго цвѣта, пронизаннаго красноватымъ блескомъ.

У человѣка, съ напряженіемъ ожидающаго какого-либо событія, можно увидеть красновато-голубыя полосы, исходящія изъ одной точки и устремляющіяся по радіусамъ ауры.

Для развитого духовнаго воспріятія каждое мимолетное впечатлѣніе, получаемое человѣкомъ извнѣ, отражается въ его аурѣ. У людей съ сильной возбудимостью, замѣчается постоянное вспыхиваніе маленькихъ красноватыхъ точекъ и пятенъ въ аурѣ. У людей, возбуждающихся менѣе сильно, пятна эти получаютъ оранжевый или даже желтый оттѣнокъ. Аура „разсѣянныхъ“ людей обнаруживаетъ голубоватыя пятна болѣе или менѣе мѣняющихся очертаній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Е. П.

О человѣческой аурѣ.

Д-ра Штейнера.

(Продолженіе *).

Понять человѣческую ауру можно въ томъ случаѣ, если разсмотрѣть всю суть человѣка. Какъ физическое тѣло, человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же веществъ, которыя встрѣчаются и въ минеральномъ царствѣ. И въ немъ дѣйствуютъ тѣ же силы, которыя дѣйствуютъ и въ этомъ царствѣ. Кислородъ, который усваивается человѣкомъ посредствомъ процесса дыханія, тотъ же самый, который находится и въ воздухѣ, и въ жидкихъ, и въ твердыхъ частяхъ земли. Тоже самое относится и къ веществамъ, которыя человѣкъ воспринимаетъ въ своей пищѣ. Эти вещества и эти силы можно изслѣдовать въ человѣкѣ, такъ же, какъ ихъ изслѣдуютъ въ другихъ тѣлахъ физической природы. И когда человѣкъ разсматривается съ *этой* точки зрѣнія, онъ является ни чѣмъ инымъ, какъ членомъ минеральнаго міра.

Далѣе человѣка можно разсматривать, поскольку онъ является живымъ существомъ. Въ этомъ живомъ существѣ можно прослѣдить, какимъ образомъ матерія и силы минеральнаго царства слагаются въ организмъ, расчлененный, растущій и размножающійся, съ отдѣльными частями, дѣйствующими въ общей соединенной работѣ. Этотъ видъ бытія человѣкъ раздѣляетъ со всѣмъ, что *живетъ*. При этомъ можетъ возникнуть вопросъ: благодаря чему живетъ то или другое существо? Одно изъ направленій современнаго естественно-научнаго теченія даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ: дѣйствіе минеральныхъ веществъ и силъ въ живомъ организмѣ совершенно тождественно съ дѣйствіемъ ихъ въ

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“, 1911 г., № 10. стр. 15.

неорганической природѣ, только гораздо сложнѣе. Съ точки зрѣнія этой научной школы, живой организмъ познается въ томъ случаѣ, если изучены будутъ сложные физическіе и химическіе процессы, совершающіеся внутри организма. Это воззрѣніе оспариваетъ необходимость особыхъ причинъ, чтобы превратить минеральныя вещества и силы въ жизненные процессы внутри организма.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи возникла живая борьба противъ представителей особой „жизненной силы“, а между тѣмъ ясное мышленіе могло бы упразднить этотъ споръ. Ибо настолько же не подлежитъ оспариванію, что человѣкъ узналъ часы, когда ему вполне выяснился механизмъ всѣхъ отдѣльныхъ часовыхъ частей, настолько же не вызоветъ никакого протеста у ясно мыслящаго представителя „жизненной силы“ заявленіе о томъ, что съ *естественно-научной* точки зрѣнія организмъ вполне понятенъ, когда знаешь дѣйствія его составныхъ веществъ и силъ. Но развѣ при такомъ воззрѣніи возможно оспаривать, что механически вполне понятныя часы не могли бы возникнуть безъ часового мастера? Кто способенъ различать между пониманіемъ организма, какъ физическаго явленія, и между *условіями его возникновенія*, для того несомнѣнно, что это пониманіе также мало объясняетъ причину органической жизни, какъ существованіе часового мастера не можетъ быть объяснено механическимъ пониманіемъ часовъ. И совершенно такъ же, какъ для механика, объясняющаго существованіе часовъ, совершенно не нужно касаться часового мастера, такъ же и для изслѣдованія чисто физической области совсѣмъ не необходимо брать въ соображеніе особые источники жизни. Но для каждаго, глубже вникающаго въ сущность явленія, должно быть понятно, что для *осуществленія* физическаго организма недостаточно того, что дѣлаетъ его физически понятнымъ. Вотъ почему глубже думающіе люди говорятъ объ „источникахъ жизни“.

Жизнь есть нѣчто большее, чѣмъ физическіе процессы организма. Нѣчто неуловимое для физическихъ глазъ и для того мышленія, которое ограничивается чувственными явленіями. Жизнь есть предметъ *иного* воспріятія, также какъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, и части часового механизма требуютъ различныхъ воспріятій. Чтобы причины жизни, не подлежащія физическому изслѣдованію, раскрылись передъ нами, для этого необходимо разсматривать организмъ „духовнымъ зрѣніемъ“. При такомъ разсматриваніи, обладающіе духовнымъ зрѣніемъ, считаютъ естественнымъ строителемъ организма *прану* или „жизненную силу“. Для нихъ жизненная сила не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ они воспринимаютъ ее. И все,

что говорится противъ жизненной силы, представляется имъ борьбою съ вѣтреными мельницами. Въ смыслѣ *такого* изслѣдованія, вторымъ членомъ человѣческой сущности—рядомъ съ физическо-минеральнымъ тѣломъ—является прана или жизненная сила.

Ощущеніе есть нѣчто превышающее простую жизнь. Жизнь строить организмъ существа, но черезъ ощущеніе раскрывается для него внѣшній міръ. Когда я говорю: я живу, я выражаю этимъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ когда я говорю: я ощущаю окружающій меня міръ красокъ. Чтобы стать существомъ ощущающимъ, организмъ долженъ придать своимъ органамъ такія свойства, которыя выходятъ за предѣлы жизнеспособности и способности размноженія. Ту часть, которая дѣлаетъ организмъ ощущающимъ, обладающій „духовнымъ зрѣніемъ“ изслѣдователь называетъ „тѣломъ ощущенія“ или, по терминологіи теософовъ, *астральнымъ тѣломъ*. Названіе „астральный“ или „звѣздный“ происходитъ оттого, что сверхчувственно видимое тѣло это обладаетъ способностью свѣтиться, которую можно сравнить съ звѣзднымъ свѣщеніемъ. Рядомъ съ физическимъ тѣломъ и праной „тѣло ощущенія“ является третьимъ членомъ человѣческой сути. Внутри этого тѣла совершается обособленная жизнь человѣка. Она выражается въ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеніяхъ, въ радости и горѣ, въ склонности и отвращеніи, и т. д. Не безъ основанія обозначается все, входящее сюда, какъ *жизнь* живого существа.

Звѣздное небо находится внѣ человѣка, въ пространствѣ. И живой человѣческой организмъ принадлежитъ тому же пространству. Этотъ организмъ, помощью своихъ ощущающихъ проводниковъ, соприкасается съ звѣзднымъ небомъ. Радость и чувство удивленія при видѣ звѣзднаго неба человѣкъ переживаетъ въ самомъ себѣ. Онъ вмѣщаетъ это небо въ себѣ, когда оно давно уже удалилось изъ поля его ощущающихъ глазъ. То, что человѣкъ при этомъ противопоставляетъ—какъ самого себя—внѣшнему міру, то, что живетъ въ себѣ самомъ, и есть его *душа*. Въ виду того, что душа усваиваетъ себѣ ощущенія, превращая все идущее извнѣ, въ свою собственную обособленную жизнь,—будемъ называть ее „ощущающей душой“. Эта „ощущающая душа“ какъ бы заполняетъ „тѣло ощущенія“; все, что послѣдняя воспринимаетъ извнѣ, она превращаетъ во внутреннее переживаніе. Такимъ образомъ составляетъ она, вмѣстѣ съ „тѣломъ ощущенія“, нѣчто цѣлое и благодаря этому она носить въ теософическихъ книгахъ общее названіе „астральнаго тѣла“. Но при основательномъ пониманіи обѣ

части должны быть ясно различаемы. И въ аурѣ обѣ части различаются въ той степени, въ какой каждый цвѣтовой отгѣнокъ астральнаго тѣла находится подѣ двумя вліяніями. Одно зависитъ отъ того, какъ построены органы человѣка, а другое отъ того, какимъ образомъ его душа отвѣчаетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Человѣкъ можетъ обладать хорошимъ или дурнымъ зрѣніемъ, и соотвѣтственно этому возникаетъ образъ, который глазъ его восприметъ отъ внѣшняго предмета. Въ то же время онъ можетъ быть душевно или тоньше, или грубѣе, и соотвѣтственно этому будетъ то чувство, которое воспринятый образъ вызоветъ внутри его.

Но человѣкъ не останавливается на впечатлѣніяхъ, которыя онъ получаетъ извнѣ и на тѣхъ чувствахъ, которыя въ немъ возникаютъ благодаря этимъ впечатлѣніямъ. Онъ соединяетъ эти впечатлѣнія. Благодаря этому, въ его душѣ образуются связныя картины того, что онъ воспринимаетъ. Человѣкъ видитъ падающій камень; затѣмъ онъ видитъ, что на мѣстѣ, гдѣ упалъ этотъ камень, въ землѣ образовалось углубленіе. Оба эти впечатлѣнія онъ соединяетъ въ одно. Онъ говоритъ: камень сдѣлалъ въ землѣ углубленіе. Въ этомъ соединеніи проявляется мышленіе. Внутри „ощущающей души“ начинается жить мыслящая, „разумѣющая душа“. Только благодаря послѣдней изъ всего того, что душа извлекаетъ извнѣ, возникаетъ приведенное ею въ порядокъ отображеніе внѣшняго міра. Душа постоянно производитъ это упорядоченіе своихъ внѣшнихъ впечатлѣній. И то, что она такимъ образомъ производитъ, есть обусловленное ея природою *описаніе* того, что она воспринимаетъ. Что описаніе это обусловлено ея природою, выясняется немедленно, когда такое описаніе сравнивается съ тѣмъ, *что* описывается. Два человѣка могутъ имѣть передъ собой одинъ и тотъ же предметъ, но описанія ихъ будутъ различны въ зависимости отъ внутреннихъ свойствъ души описывающихъ. Они связываютъ и распредѣляютъ свои впечатлѣнія различнымъ образомъ.

Благодаря этому „описательному“ мышленію, человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего собственнаго бытія. Онъ приобретаетъ нѣчто, что наполняетъ его душу извнѣ. Для него совершенно очевидно, что его описанія предметовъ состоятъ съ этими предметами въ опредѣленномъ отношеніи. Онъ находитъ свои пути въ мірѣ, благодаря тому, что думаетъ о немъ. И онъ переживаетъ, вслѣдствіи этого, извѣстное соотвѣтствіе своей отдѣльной жизни съ порядкомъ міровой жизни. „Разумѣющая душа“ создаетъ, благодаря этому, созвучіе между душою и міромъ.

Въ своей душѣ отыскиваетъ человѣкъ истину; и черезъ эту истину выражается не только сама душа, но и всѣ вещи внѣшняго міра. То, что мышленіе признаетъ за истину, имѣетъ самостоятельное значеніе и не только для одной человѣческой души. Мой восторгъ передъ звѣзднымъ небомъ живетъ во мнѣ одномъ; но мысли, которыя возникаютъ во мнѣ относительно движенія небесныхъ тѣлъ, имѣютъ для мышленія всѣхъ остальныхъ людей такое же значеніе, какъ и для моего собственнаго. Было бы бессмысленно говорить о *моемъ* восторгѣ, когда я перестану существовать; совсѣмъ друге дѣло говорить о моихъ мысляхъ; о нихъ можно говорить безъ всякаго отношенія ко мнѣ самому. Ибо истина, которую я мыслю сегодня, была такою же истиной вчера и такою же останется и завтра, хотя бы я думалъ о ней только сегодня. Если какое-нибудь познаніе доставляетъ мнѣ радость, радость эта имѣетъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока я ее переживаю; но *истина* этого познанаія сохраняетъ свое значеніе совершенно независимо отъ моей радости. Въ соединеніи съ истиной, душа схватываетъ нѣчто, что несетъ свою цѣнность въ себѣ самомъ. И эта цѣнность не исчезаетъ вмѣстѣ съ личнымъ душевнымъ переживаніемъ, какъ она и не возникаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Есть существенная разница между *описаніями*, при которыхъ разумѣющая душа отдается только связыванію и распредѣленію воспринятыхъ впечатлѣній и между *мыслями*, при которыхъ она подчиняется законамъ истины. И лишь та мысль, которая получаетъ сверхличное значеніе тѣмъ, что она проникнута законами истины, можетъ разсматриваться какъ *знаніе*. И когда истина начинаетъ проникать своимъ свѣтомъ въ „разумѣющую душу“, послѣдняя становится „сознательной душой“. И точно также, какъ въ тѣлѣ различаются три члена: физическое тѣло, носитель жизни и тѣло ощущеній (астральное), такъ и въ душѣ различаются ощущающая, разумѣющая и сознающая душа.

Эти три члена души помогутъ намъ понять трехчленную ауру человѣка. Ибо эти три члена дѣлаютъ понятнымъ, что внутренняя жизнь человѣка подвергается вліяніямъ съ двухъ сторонъ. Какъ „ощущающая душа“ эта внутренняя жизнь находится въ зависимости отъ „тѣла ощущенія“ (астральнаго тѣла). Совмѣстное дѣйствіе „ощущающей души“ и „тѣла ощущенія“ выражается въ первой изъ трехъ описанныхъ ауръ. Связывающая „разумѣющая душа“, переживанія которой подчиняются ея собственной природѣ, получаетъ свое выраженіе во второй аурѣ; тогда какъ „сознающая душа“ получаетъ свое сверхчувственно видимое выраженіе въ третьей, наиболѣе свѣтящейся аурѣ.

Но, чтобы понять природу этихъ трехъ ауръ, необходимо имѣть въ виду одинъ фактъ, который, правильно понятый, даетъ впервые настоящее пониманіе истинной сути человѣка. Въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни возникаетъ моментъ, когда человѣкъ впервые чувствуетъ себя самостоятельнымъ существомъ, противопоставляющимъ себя всѣму остальному міру. Для тонко чувствующихъ людей это является событіемъ великой важности. Поэтъ Жанъ Поль Рихтеръ рассказываетъ въ своемъ жизнеописаніи: „Никогда не забуду я никому до сихъ поръ неизвѣстное явленіе изъ моей жизни, когда во мнѣ совершалось рожденіе самосознанія; событіе, мѣсто и время котораго я могъ бы указать съ точностью. Однажды утромъ стоялъ я, еще совсѣмъ маленькимъ, подъ наружной дверью дома и смотрѣлъ влѣво на сложенные дрова, какъ вдругъ внутреннее сознаніе, что я есть Я, проникло въ меня подобно молніи съ неба, и съ тѣхъ поръ свѣтъ этотъ остался во мнѣ: въ этотъ мигъ мое Я познало себя впервые и навсегда. Обмана памяти здѣсь не могло быть, такъ какъ никакихъ постороннихъ рассказовъ не могло примѣшаться къ событію, произошедшему подъ завѣсой святая святыхъ человѣка, и поразительная новизна котораго одна только и могла такъ неизгладимо запечатлѣть упомянутыя будничныя подробности“.

Въ самопознаніи человѣка раскрывается то, что его дѣлаетъ самостоятельнымъ существомъ. Вотъ почему самосознаніе должно бросать свѣтъ на всю его внутреннюю жизнь. И лишь исходя изъ самопознанія, возможно вполне понять значеніе тѣла и души человѣка.

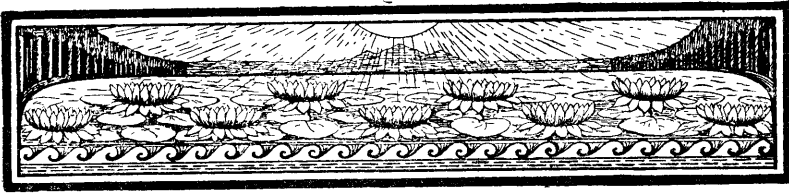
Пер. Е. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Совсѣмъ спокоенъ тотъ, у кого нѣтъ желаній.

Л а о - Т ц е .

О человеческой аурѣ.

Д-ра Р. Штейнера.

(Окончаніе *).

Есть въ человѣкѣ скрытое завѣсой святилище, которое обозначается какъ *самосознаніе*. Кто это понимаетъ, тотъ знаетъ, что этимъ словомъ въ сущности выражается весь смыслъ человѣческаго бытія. Самосознаніе есть способность познавать себя какъ „Я“.

Безконечное значеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующій фактъ, хотя онъ и кажется простымъ: „Я“ есть единственное слово, которое каждый можетъ сказать только *себѣ самому*. Никто другой не можетъ сказать этого мнѣ, точно также и я не могу никому сказать этого слова. Каждое другое слово могутъ употреблять всѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляю его и я. То же, что дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ всего остального, то, что позволяетъ ему оставаться *съ однимъ собой*, это онъ называетъ своимъ „Я“.

Этому обстоятельству соответствуетъ совершенно определенное явленіе въ аурѣ человѣка: ни одинъ ясновидящій не увидитъ чего-либо на томъ мѣстѣ ауры, которое соответствуетъ человѣческому „Я“. Сознаніе своего „Я“ обозначается въ аурѣ темнымъ оваломъ, можно сказать—полной темнотой. Если-бы этотъ овалъ можно было разсматривать отдѣльно отъ всего другого, онъ казался бы чернаго цвѣта. Но этого нельзя, потому что онъ видимъ черезъ то, что мы назвали первой и второй аурой. Поэтому онъ является намъ голубымъ. „Я“ совсѣмъ неразвитаго человѣка выражается какъ маленькій голубой овалъ. Но онъ становится все больше по мѣрѣ развитія человѣка, и у средняго человѣка нашего времени онъ имѣетъ величину, равняющуюся приблизительно остальной аурѣ.

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 11, стр. 8.

Изнутри этого голубого овала возникает особое излучение. Всѣ другія части ауры отражаютъ извѣстнымъ образомъ лишь то, что проникаетъ въ человѣка извнѣ. Но упомянутое излучение является выраженіемъ того, что *самъ* человѣкъ дѣлаетъ изъ себя. Первая аура выражаетъ собою результатъ животнаго начала, дѣйствующаго въ человѣкѣ, вторая аура—результатъ того, что человѣкъ переживаетъ внутри себя благодаря впечатлѣніямъ, идущимъ отъ внѣшняго міра; третья есть выраженіе *знанія*, которое человѣкъ приобрѣлъ объ этомъ мірѣ. То же, что начинаетъ излучаться внутри темной ауры человѣческаго „Я“, это—результатъ работы человѣка надъ самимъ собою. Способность къ *такой* работѣ не можетъ дать ему никакой внѣшній міръ, эта способность или сила должна появиться изъ другого источника. Она и притекаетъ къ нему изъ *Духа*. Насколько человѣческое „Я“ получаетъ отъ духа, настолько начинаетъ свѣтиться упомянутая аура. И въ противоположность всѣмъ преходящимъ явленіямъ чувственнаго міра, духъ не проходитъ, а пребываетъ вѣчно. Все, что въ другихъ аурахъ измѣняется, указываетъ на преходящія свойства человѣка, то же, что свѣтится въ аурѣ человѣческаго „Я“, есть выраженіе его *вѣчнаго Духа*. Это и есть то *пребывающее*, что сохраняется въ каждомъ послѣдующемъ воплощеніи человѣка.

Третьимъ членомъ души мы назвали „сознающую душу“. И внутри ея пробуждается наше „Я“. А въ „Я“ пробуждается вѣчный Духъ человѣка. Какъ тѣло и душа, такъ и духъ трехчлененъ. Высшая часть его и есть „духовный человѣкъ“, называемый въ теософической литературѣ „*Atma*“. Какъ физическое тѣло строится изъ веществъ и силъ внѣшняго физическаго міра, такъ и духовный человѣкъ строится изъ состава духовнаго міра. Онъ—часть послѣдняго, также какъ физическое тѣло есть часть физическаго міра. И такъ-же какъ физическое тѣло, благодаря физической, жизненной силѣ, превращается въ тѣлесное существо, такъ и духовный человѣкъ, благодаря духовной жизненной силѣ, становится „жизне-духомъ“ *), въ теософической литературѣ „*Buddhi*“.

Далѣе, такъ-же какъ физическое тѣло путемъ чувственныхъ воспріятій приобрѣтаетъ познаніе чувственнаго міра, такъ духовный человѣкъ, благодаря духовному воспріятію или *интуиціи*, познаетъ духовный міръ. Такимъ образомъ, чувственному воспріятію тѣлесной жизни соотвѣтствуетъ особое духовное воспріятіе въ этой высшей области. И какъ низшее самосознаніе или обо-

*) Lebensgeist.

собленная жизнь начинается съ *ощущенія*, такъ и высшее начинается съ *интуиціи*. Эту духовную обособленную жизнь мы назовемъ „самимъ духомъ“ (*Geistselbst*); въ теософической литературѣ это—„высшій Манасъ“.

Слѣдуя вышеизложенному, человѣка можно раздѣлить на слѣдующія части:

1. *Тѣлесная часть* состоитъ изъ физическаго тѣла, жизнетѣла (жизненной силы) и изъ тѣла ощущеній.
2. *Душа* состоитъ изъ души ощущенія, разсудочной души и сознательной души, въ которой пробуждается „Я“.
3. *Духъ* состоитъ изъ духа какъ такового, жизне-духа и изъ духовнаго человѣка.

Душа ощущенія заполняетъ тѣло ощущеній и сливается съ нимъ въ одно цѣлое. Это можно выяснитъ, если представить себѣ слѣдующее: впечатлѣніе отъ внѣшняго міра, вызывающее „красный“ цвѣтъ, основано на дѣятельности тѣла ощущеній. Что душа воспринимаетъ этотъ красный цвѣтъ, основано на томъ, что тѣло ощущеній соединено непосредственно съ ощущающей душой, которая всѣ извнѣ приходящія вліянія претворяетъ немедленно въ себя. Точно такъ-же сливаются въ одно сознающая душа и самъ-духъ (*Geistselbst*), благодаря самостоятельной дѣятельности „Я“ *).

Поэтому человѣческая суть раздѣляется съ полнымъ правомъ на слѣдующія семь частей:

1. Физическое тѣло (*Sthula Sharira*).
2. Жизненное тѣло (*Linga Sharira*).
3. Соединенное съ „душой ощущенія“ тѣло ощущенія (астральное тѣло, *Kama rupa*).
4. Разсудочная душа (низшій Манасъ, *Kama Manas*).
5. Проникнутая духомъ и рождающая человѣческое „Я“, сознающая душа (высшій Манасъ).
6. Жизне-духъ (духовное тѣло, *Buddhi*).
7. Духовный человѣкъ (*Atma*).

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ само собою, что лучистая духовная аура лишь слабо обозначена и становится все ярче по мѣрѣ усовершенствованія человѣка. Какъ три описанныя ауры являются какъ бы носителями человѣческаго „Я“, такъ аура этого „Я“ становится носителемъ вѣчнаго Духа. Благодаря наличности „Я“, человѣкъ становится самостоятельнымъ, отдѣльнымъ существомъ. Существо это развиваетъ въ себѣ духовное содержа-

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ книгѣ д-ра Штейнера „Теософія“, появившейся въ русскомъ переводѣ.

ніе; оно наполняется этимъ содержаніемъ. Это означаетъ, что „Я“ предается вѣчному единому Духу. Ступени, которыя человѣческое „Я“ проходитъ въ этомъ отдаваніи себя единому Духу, выражаются въ духовной аурѣ человѣка опредѣленными цвѣтовыми оттѣнками. Эти оттѣнки, сверкающіе свѣтомъ, нельзя сравнивать съ физическими красками; вотъ почему всякое описаніе ихъ невозможно.

Для полноты слѣдуетъ указать еще на одну часть ауры, о которой еще не было упомянуто. Это — та часть, которая соотвѣтствуетъ жизне-тѣлу (Lebensleib). Она наполняетъ приблизительно такое же пространство, какое занимаетъ физическое тѣло. Ясновидящій можетъ наблюдать за нимъ только при томъ условіи, если въ состояніи уничтожить въ своемъ представленіи физическое тѣло наблюдаемаго (внушить себѣ что его нѣтъ). Тогда „жизне-тѣло“ *Linga sharira* выявляется какъ совершенный двойникъ физическаго тѣла, окрашенный цвѣтомъ, который напоминаетъ цвѣтъ абрикосоваго дерева. Въ этомъ жизне-тѣлѣ замѣчается постоянный приливъ и отливъ. Міровая жизненная сила вливается въ него, используется жизненными процессами и затѣмъ — снова выливается.

На этомъ указанія относительно человѣческой ауры могутъ быть закончены. Если бы кому нибудь показалось, что высказанное въ этой статьѣ не совпадаетъ съ положеніями теософической литературы, то я попрошу вчитаться въ изложенное здѣсь внимательнѣе. За видимымъ различіемъ онъ увидитъ болѣе глубокую гармонію. Въ этой области можетъ пойти лишь на благо, если изложенія отдѣльных наблюдателей будутъ взаимно дополнять одно другое. Конечно, такой отдѣльный наблюдатель долженъ сознавать свою большую отвѣтственность, но, съ другой стороны, нужно помнить, что на этихъ высотахъ ошибки въ наблюденіяхъ еще вѣроятнѣе, чѣмъ въ естественно-научныхъ наблюденіяхъ надъ физическимъ міромъ. Объ этомъ знаютъ всѣ, изслѣдующіе области сверхфизическія, и знаютъ, что наука духа подлежитъ такому же развитію, какъ и наука физическая.

Переводъ съ нѣмецкаго Е. П.

